

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Оболонский

*д.ю.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

ЛЮСТРАЦИЯ КАК ИНСТИТУТ ПЕРИОДА ТРАНЗИТА: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ¹

Аннотация. Статья посвящена чрезвычайно важной, но практически не обсуждаемой у нас в научно-аналитическом плане теме люстрации государственных служащих. Рассматривая её через призму человеческого фактора, автор применяет междисциплинарный подход, интегрируя философский, политический, правовой и этический аспекты. Специальный раздел посвящен соотношению институциональных и морально-этических проблем, связанных с люстрацией. Подробно описан преобладающий в Европе подход к люстрации как к одному из институтов переходного периода в постсоциалистических обществах, в целом приемлемому методу мягкой очистки новых режимов от бремени прошлого, соответствующее законодательство и практика проведения люстрации в посткоммунистических государствах Восточной Европы, а также их оценка международными демократическими правовыми институтами. Особое внимание уделено отечественной трактовке темы люстрации. Исходя из кардинального отличия отечественного опыта от опыта других стран транзита, автор полагает, что отсутствие люстрации в России в 1990-е гг. привело к ряду негативных последствий, вплоть до частичной реставрации советской системы. Он считает, что сейчас особую актуальность для нас приобретает проблема не так называемого «позднего» люстрирования функционеров советского режима, характерная для восточноевропейских стран, а люстрации «свежей», что позволит очистить кадры государственных служащих от преступников во властных сферах уже новых, постсоветских времен. Это представляется важным как в институциональном, так и в субъективном, человеческом, аспектах.

Ключевые слова: *люстрация, политический режим, декоммунизация, функционеры, Восточная Европа, Чехословакия, ГДР, Польша, Россия, право, законы о люстрации, мораль.*

JEL: A13, H11, K40, M14.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10406.

Общественное мнение относится к проблеме люстрации неоднозначно. Сама эта тема является предметом ожесточенных идеологических споров, сопровождающихся встречными обвинениями морализаторского характера. Я же в данном случае, посвящая статью вопросам, связанным с люстрацией кадров государственных служащих в переходный период, постараюсь, насколько возможно, этого избежать и сосредоточиться на другом. Напомню о сущности феномена люстрации, выскажу соображения о роли человеческого фактора на примерах моральных коллизий судей при вынесении ими приговоров, расскажу о правовых основаниях люстрации, вариантах, масштабах и практике её проведения в восточноевропейских странах после краха социалистических режимов, о возникавших в этой связи этических дилеммах, о различных точках зрения на её плюсы и минусы, а также поделюсь своим взглядом на отечественную ситуацию. Поэтому предлагаемый вниманию читателя текст носит, в первую очередь, информационный и аналитический характер.

¹ Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

Тем не менее поскольку полная отстранённость, так называемый внеценностный подход (*value free approach*), при обсуждении острых социально-политических вопросов, как мне кажется, вряд ли достижима в принципе и представляется в лучшем случае самообманом, то я не счёл нужным избегать и некоторых оценочных суждений. Особенно в тех частях рассуждений, где избежать этого невозможно, да и сами такие попытки были бы лукавством. Говоря «высоким стилем», для меня экзистенциальный пафос науки состоит не в холодном буддистском беспристрастии, стоящем выше различий между добром и злом, а в возможности хотя бы частично приложить полученное знание к реальной жизни людей. И проблема люстрации, на мой взгляд, принадлежит к темам, которые не могут рассматриваться совсем уж отстраненно в ценностном отношении, так сказать, *sine ira et studio* — без гнева и пристрастия, как первым сформулировал Корнелий Тацит в «Анналах», хотя сам он при этом отнюдь не избегал моральных оценок. Просто надо это сознавать и обуздывать себя при анализе вопроса с разных сторон.

* * *

Итак, в изначальном, производном от латинского значения суть люстрации — не наказание, а публичное отречение от прошлых грехов. Само слово *lustratio* в лексиконе древних римлян означало очищение через покаяние, часто связанное с жертвоприношением. Разумеется, современные и теория, и практика люстрации далеко ушли от этого «оригинала», стали гораздо сложнее и многообразнее. В документах ООН вообще предпочитают использовать другой термин — *vetting*, т.е. временный запрет на что-либо, связанный с проверкой. Но суть сохранилась: люстрация — не возмездие, не кара, а в некотором смысле даже обратное — амнистия, прощение прошлых грехов, сопровождаемое лишь временным ограничением на занятие определенных должностей. По отношению к революционным периодам её принято рассматривать как достаточно мягкую форму очистки от бремени и пороков прошлого.

Иногда люстрацию называют правосудием переходного периода, своеобразной формой правового реагирования на преследования и репрессии, допущенные во время предыдущего политического режима, в том числе и санкционированные действовавшими при нём законами. Идея люстрации — защита нового государства и его граждан от лиц, запятнавших себя сотрудничеством с прежним режимом, признаваемым в новых политических условиях репрессивным. Однако следует признать, что далеко не всех убеждает подобный взгляд на вещи.

Начнем с включения данной проблематики в более общий институциональный контекст. За справедливыми, но слишком уж часто повторяемыми, как мантра, словами о необходимости совершенствования институтов как-то уходит в тень другая сторона вопроса — люди, их поведение в заданных институтами рамках. Оставляя в стороне терминологические споры о расширительном и, напротив, ограничительном толковании самого понятия «институты», подчёркну лишь, что в любом случае никакой современный институт не снимает с человека проблемы выбора того или иного варианта личного поведения в конкретной ситуации. Он скорее служит лишь неким общим навигатором, задавая ограничительные рамки и указывая на предпочтения, прямо или косвенно.

Можно найти немало примеров того, как даже в условиях «плохих», например советских, политических, экономических, судебных и иных управленческих институтов, некоторые люди, оставаясь в их рамках, делали вполне достойные и полезные вещи. И, напротив, даже хорошие институты не могут ни предвидеть, ни гарантированно заблокировать действия, не соответствующие замыслу их создателей и заложенным в них нормам. Брошенная некогда Сталиным фраза «кадры решают всё», ставшая чем-то вроде зловещего эпитафия к одной из волн проводившейся им политики массовых репрессий, увы, не лишена смысла. ***Кадры решают хотя и не всё, но многое.***

Роль человеческого фактора

Для полноценного понимания проблемы люстрации этот аспект очень важен. От личных качеств «человека на должности», от его (её) профессиональной совести и «морального кодекса» зависит немало. Поясню на болезненном примере нашей судебной системы, точнее — причин принятия судьями очевидно неправовых решений, мотивов вынесения ими заведомо неправосудных приговоров по так называемым политически чувствительным делам или делам, связанным с имущественными либо иными интересами сильных мира сего. Часто уверяют, что вся беда у нас в чрезмерной зависимости рядовых судей от председателей судов, в свою очередь ангажированных вышестоящими властями. То есть проблема в чисто институциональном несовершенстве, если устранить которое, то предполагается, что, как минимум, исчезнет её острота.

На мой взгляд, это лишь отчасти так. *Человеческий фактор*, личности конкретных судей играют не меньшую роль. И даже самые хорошие институциональный дизайн и процедуры не гарантируют принятия правильного решения. А с другой стороны, даже плохие институты не закрывают для судьи возможности действовать по закону и по чести, к чему, собственно, действующий закон их формально и призывает. Просто цена, возможные неприятности вследствие «неудобного» вышестоящим влиятельным персонам поступка повышаются. Но не до неприемлемого уровня. Времена ныне не сталинские. И за поступок не по выгоде, а просто по совести ни ГУЛАГ, ни смерть судье не грозят. Да, вполне могут возникнуть проблемы с карьерой и с уровнем материального достатка. (Кстати, одним из таких «крючков» для многих стала ипотека.) Но для полноценного профессионала, повторю, угроза отнюдь не выглядит слишком уж судьбоносной, требующей какого-то исключительного героизма. И на первый план выходят личные качества, мораль человека.

Позволю привести пример из личных впечатлений и, казалось бы, не очень близкой нам реальности. Дело было на местных выборах в одном американском городке, куда я пришел в качестве неформального любопытствующего наблюдателя, а одним из наблюдателей официальных был отставной судья. Мы вышли с ним на улицу, что называется, покурить, и у нас спонтанно состоялся разговор по душам. Первый и последний в жизни. Ни до, ни после мы не встречались. А тут мы разговорились, и этот пожилой человек начал рассказывать, как ему однажды, в бытность судьей некоего округа, пришлось приговорить к смерти одного преступника. То был очень плохой персонаж, настоящий бандит, который убил, причём жестоко, с целью ограбления, двоих человек и совершил ещё несколько преступлений. И мой собеседник как судья приговорил его к смертной казни. С тех пор к моменту нашего разговора прошло 20 лет. Но когда он рассказывал мне, постороннему, эту историю, у него вдруг начали дрожать руки и голос. Хотя он не курил, он попросил сигарету и все не мог успокоиться. Словом, он заново переживал ту личную человеческую драму, которой стало для него то давнее решение. Он стал передо мной, посторонним человеком, почти оправдываться, объяснять свои мотивы, приводить какие-то детали и т.д. То есть это было для него неизбытой, преследовавшей его все эти годы моральной травмой. Потом мне доводилось говорить ещё с парой-тройкой американских судей, и у меня сложилось ощущение, что эти люди по своим даже не столько профессиональным, а прежде всего человеческим ценностям и качествам вряд ли способны принимать неправосудные решения, особенно решения жестокие и с серьезными последствиями.

И с другой стороны, даже идеальные институты, с моей точки зрения, не гарантируют правового в подлинном смысле слова поведения судей, если у них не всё в порядке с базовыми ценностями. Я имею в виду совсем не героев, способных, как говорится, идти в огонь за свои убеждения, а просто людей, элементарно честных по отношению к своей

профессии. Даже в идеальных системах существуют и группы давления, и личные мотивы, и пр. Поэтому, как мне кажется, судей, принимавших заведомо неправосудные решения по многим печально известным нам делам (например, по ЮКОСу, по «болотному» 2012 и «летним московским» 2019 гг.), вряд ли можно сильно изменить какими-либо формальными усовершенствованиями институтов, регулирующих прохождение судебской карьеры.

В целом же, на мой взгляд, в системе так называемой публичной, а на деле «государевой», службы у нас давно уже происходит **отрицательная селекция людей** по человеческим качествам при подборе и карьерном продвижении кадров. А потом это подкрепляется тезисом о якобы «неудачном» народе. К сожалению, не вполне обоснованном. Однако представляется, что, во-первых, это не вполне корректная генерализация самого понятия «народ». Ведь наш народ составляют сто сорок пять миллионов человек, причём во многом разных как по взглядам, по ценностям, так и по ряду других параметров. А во-вторых, в любой человеческой натуре, как правило, в той или иной мере присутствуют и хорошие, и плохие черты и качества. И долг людей образованных, особенно тех, кто по своему положению обладают возможностью и долгом оказывать влияние на моральное состояние общества, апеллировать не к худшей стороне человека, а к его лучшим, возвышающим личность качествам. Наша власть сейчас весьма эффективно эксплуатирует и искусно использует разные негативные качества людей, поддерживает в них плохое. Этому можно в какой-то мере противодействовать, но глубинной ценностной терапии, лечения ценностных деформаций такой путь не заменит.

Вообще проблематика публичной этики, моральных качеств людей, занимающих должности, предполагающие осуществление властных или управленческих полномочий, имеет тесную, глубинную связь с вопросами люстрации, особенно если взять её в более широком контексте. И дело не в принадлежности к какой-либо социальной группе или слою и даже не в формальном уровне образования. В этой связи вспоминается чеховская фраза из одного его письма: «Я верю в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по России там и сям — интеллигенты они или мужики, — в них сила, хотя их и мало».

Российская ситуация

Перейдем теперь к теме люстрации кадров государственных служащих в нашей стране. Она представляется мне болезненно острой. Ибо полное отсутствие какой-либо политики по смене управленческих кадров в постсоветский период повлекло, на мой взгляд, последствия крайне тяжелые, до сих пор далеко не преодоленные, а во многом и нараставшие со временем. Это самым отрицательным образом сказалось на реализации всего комплекса экономических, политических и иных реформ постсоветского периода. То, что в штате государственного аппарата, особенно на первых порах, доминировали чиновники с советскими образованием, управленческими навыками и подходами, было неизбежным. Других попросту неоткуда было взять. Но затем произошли и ухудшающие качественные изменения: адаптировавшаяся к новым условиям категория работников со стажем от шести до пятнадцати лет покинула государственную службу, перейдя в возникшие коммерческие и полугосударственные структуры, предлагавшие неизмеримо большие возможности заработка. А остались те, кого туда либо не брали, либо кто сам побоялся. Иными словами, произошло *вымывание лучших*. Явно увеличился процент людей предпенсионного возраста. По данным О.Крыштановской, к середине 1990-х гг. в государственных структурах было 75%, а в бизнесе — 61% членов бывшей советской номенклатуры [Крыштановская, 1995]. Причем больше половины из них попали туда даже не при Горбачеве или Ельцине, а еще раньше — при Брежневем.

Правда, происходило и пополнение за счёт молодого поколения. Но понизившийся престиж государственной службы привел к отрицательному отбору и среди приходившей на нее молодёжи. Более активные её представители, даже поступив на государственную службу, затем в основном там не задерживались, а приобретя минимальные профессиональные навыки и обзаведясь неформальными связями, тоже устремлялись в обещающие более высокие дивиденды бизнес-организации. Эмпирически это подтверждает наблюдавшийся практически по всем федеральным министерствам фоновый провал числа работников со стажем 10–15 лет.

В результате постсоветская Россия, унаследовав административный персонал советских времен, возложила практически на тех же людей функции по проведению политики, прямо противоположной всему их жизненному и профессиональному опыту, а во многих случаях — и их убеждениям. С одним печальным исключением: лучшая их часть, люди, как-то сориентировавшиеся в новых обстоятельствах, использовали прошлые связи и доступную им информацию о деталях конкретных приватизационных и финансовых операций и перетекли в новообразованные коммерческие и прочие структуры. А на госслужбе остались в основном «худшие», т.е. более инертные и не сумевшие приспособиться. Правда, есть и еще одна категория — те, кто использовали свои возможности пребывания на госслужбе для прямой наживы посредством различных финансовых и иных манипуляций. Хотя чисто количественно их было не так уж много (пряников, как известно, всегда не хватает на всех), ущерб они нанесли немалый. Впрочем, это не тема данной статьи.

Исходя из опыта транзита нескольких постсоциалистических стран, полагаю, что и нам было необходимо провести определённую люстрацию персонала государственных органов. Серьёзные кадровые изменения, проведенные в должное время и должным образом, могли бы существенно улучшить многое. Я, разумеется, не имею в виду какой-либо «охоты на ведьм», массового увольнения порядочных и политически нейтральных администраторов. Однако хоть что-то в этом направлении должно было быть сделано. А не сделано было ровным счётом ничего. Политическое руководство тех времён игнорировало эту абсурдную ситуацию. И в результате мы получили явно избыточную персональную преемственность в аппарате управления, что, по моему мнению, стало одним из критических препятствий для успешного прохождения периода транзита.

Прежняя советская номенклатура, за небольшими исключениями, не просто сохранила, но и укрепила свои позиции. Это принципиально отличает события в России от опыта посткоммунистических трансформаций в странах Восточной Европы и отчасти объясняет как особо драматичные трудности наших 1990-х гг., так и последующее развитие событий, а также ситуацию, в которой оказалась страна ныне. Россия, как известно, наряду со среднеазиатскими государствами, а также Азербайджаном и Арменией, осталась в стороне от процесса замены людей на государственных должностях. В законодательном плане можно вспомнить лишь Указ Президента Ельцина осени 1991 г. о запрете коммунистической партии, ставший почти первым делом, рассмотренным Конституционным судом, и в итоге им фактически отменённый. Еще более печальная судьба постигла законопроект «О запрете на профессии для проводников тоталитарного режима», внесенный в Думу в 1992 г. Г.В.Старовойтовой. Ни он, ни его более поздние усеченные версии не дошли даже до первого чтения².

² *Примечание редакции:* люстрация — обоюдоострое оружие, как убедительно показывает О. Хархордин, чистки и покаяния были регулярными компаниями в СССР [Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016]. Если придерживаться демократических принципов, то в нынешние времена запрет на занятие государственных должностей (и не только в системе исполнительной власти, но и в системе науки, образования, культуры) может оказаться принятым как раз в отношении тех людей, которые сделали свои карьеры в период 1990-х гг. Такой исход весьма вероятен, если законы о люстрации будут приниматься либо на всероссийском референдуме, либо в нынешнем российском парламенте, более того, такой исход был вероятен уже в середине 1990-х гг. Однако автор по неясным причинам не анализирует эту возможность.

Международный опыт постсоциалистической люстрации и его правовая оценка западными демократическими институтами

В позитивном плане люстрацию называют правосудием периода транзита, механизмом защиты новой демократии, инструментом кадровой политики в условиях турбулентных перемен, частью процесса демократизации структур государственного управления и др. А Совет Европы даже назвал люстрацию одной из основных составляющих правосудия переходного периода, необходимой частью институциональных реформ. В плане же негативном её называют орудием несправедливого наказания за несовершенные или, как минимум, недоказанные преступления, морально нечистоплотным способом делания карьеры, средством политической манипуляции и т.п. Так что отношение к ней довольно неоднозначное.

Но, так или иначе, после падения социалистической системы люстрация в той или иной форме была проведена практически во всех восточноевропейских постсоциалистических странах, а также в нескольких бывших советских республиках — в странах Балтии и в Грузии. В Украине процесс был запущен значительно позднее: сначала по отношению к ограниченному объекту — законом 2014 г. «О восстановлении доверия к судебной системе». Несколько месяцев спустя за ним последовал более общий закон «Об очищении власти». Там был дан исчерпывающий перечень лиц и оснований для применения к ним процедур люстрации: чиновники, занимавшие руководящие должности в органах исполнительной власти во время президентства В.Ф. Януковича (в течение одного года и более либо в период протестов на Майдане); сотрудники правоохранительных органов, участвовавшие в уголовном или административном преследовании лиц, впоследствии освобожденных от ответственности по амнистии для активистов Майдана или амнистированных индивидуально; бывшие сотрудники и осведомители КГБ СССР, руководители КПСС (КПУ) (от секретарей райкомов и выше) и Комсомола Украины (от секретаря ЦК ВЛКСМ(У) и выше); чиновники, указавшие недостоверные сведения в декларациях о доходах и имуществе. Кроме того, был предусмотрен запрет на занятие государственных должностей лицами, совершившими действия, направленные на узурпацию власти Януковичем, нарушение свободы собраний, сотрудничество со спецслужбами иностранных государств, подрыв национальной безопасности, обороны и территориальной целостности, публичные призывы к нарушению территориальной целостности Украины, нарушения прав человека и основных свобод³. В итоге в Единый государственный реестр лиц, на которых распространяется действие Закона Украины «Об очищении власти», было внесено 785 человек.

Наиболее обстоятельный юридический анализ данной проблемы применительно к периоду выхода стран Восточной Европы из социализма провел Н.А. Бобринский. Поэтому в нормативно правовой части обзора в данном разделе статьи, я основываюсь, в первую очередь, на материалах его публикации, хотя, разумеется, использовал и другие источники, в частности по Чехословакии и Германии.

С точки зрения Бобринского, ключевым понятием для анализа и оценки процесса люстрации является категория защищенной должности. На основе правового анализа как национальных правовых актов, так и соответствующих документов ООН, резолюций Парламентской ассамблеи Совета Европы и ее рекомендаций, документов Венецианской комиссии и Международной организации труда он пришел к выводу, что «можно, с некоторой долей условности, выделить три типа люстрации. Их довольно четко можно разделить по странам применения. К первому типу можно отнести меры, проводившиеся в Чехии, Германии, Литве (по отношению к официальным сотрудникам спецслужб), а также

³ См. Закон України від 16.09.2014 № 1682-VII «Про очищення влади» // Відомості Верховної Ради. 2014. №. 44. Ст. 2041.

в Боснии и Герцеговине, Македонии, Украине. В этих странах были составлены и применялись два списка: один из них включает «защищённые» от неблагонадёжных элементов должности и профессии, а другой — основания для отнесения тех или иных персон к числу таких неблагонадёжных элементов.

В рамках люстрации второго типа, проходившей в Польше, Латвии и Эстонии, также использовались два списка, однако их значение было иным. Там обладатель или соискатель «защищённой» должности был обязан сам заявить, подпадает ли он под критерии неблагонадёжности (например, сотрудничал ли со спецслужбами прежнего режима). За ложную информацию была установлена ответственность в виде запрета занимать эти должности. Наконец, люстрация третьего типа, прошедшая в Венгрии, Литве, Словакии, сводилась к выявлению неблагонадёжных граждан, составлению и опубликованию их списков без каких-либо иных правовых последствий для проверяемых.

Таким образом, в первом случае люстрация представляет собой запрет определённым лицам занимать некоторые должности, во втором — обязательное декларирование сведений о себе под угрозой ответственности за ложную декларацию, в третьем — официальное установление и раскрытие фактов об определенных лицах без наложения на них или на некоторые должности какие-либо ограничений. Больше всего противоречий и правовых споров вызывает люстрация первого («запретительного») типа [Бобринский, 2016. С. 29]. Можно сказать, что второй и третий типы представляют собой наказание не за прошлое, а за нынешнюю ложь по отношению к прошлому. Оценка же прошлого поведения во многом переходит в моральную плоскость и как бы передается обществу. Особенно это характерно для люстрации второго типа.

Хотя люстрация — предмет национального права, и в странах бывшего восточноевропейского блока, а также в некоторых других странах транзита, были приняты внутренние законы, её регулирующие [Stan, 2009; Home, 2009], она также получила правовую верификацию и с точки зрения права международного. Так, упомянутый выше Закон Украины прошел тщательную правовую оценку наднациональными правовыми институтами. А общие критерии соответствия люстрации принципам демократического государства и господства права были сформулированы в Резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы №1096 от 1996 г. «О мерах по ликвидации наследия бывших коммунистических тоталитарных систем» и «Принципах соответствия люстрационных законов и аналогичных административных процедур требованиям правового государства». На них неоднократно ссылался Европейский Суд при рассмотрении споров о люстрации, а Венецианская комиссия именно из них выводит «ключевые критерии европейских стандартов в области люстрации» и также собственные рекомендации оценки применения люстрационных законов. Из моментов, имеющих, на мой взгляд, особенно существенное значение для рассмотрения и учета в российском и, тем более белорусском контексте отмечу достаточно жесткую позицию Совета Европы в отношении признания неблагонадёжными сотрудников правоохранительных органов, виновных в нарушениях прав человека и демократических норм. При этом аргумент, часто используемый в качестве самооправдания лицами, которым угрожает люстрация, — «мы-де действовали в соответствии с законами того времени» — не принимается в качестве безусловного оправдания. Ибо одна из целей люстрации — принятие ретроактивных мер правового реагирования на репрессивные преследования, санкционированные законодательством авторитарных режимов.

Генсек ООН посвятил теме люстрации часть специального доклада на Генеральной сессии в 2004 г. На её основе верховный комиссар ООН по правам человека даже издал своего рода методическое руководство по принципам и проведению люстрации, в котором упор был сделан на необходимости учета смягчающих возможную ответственность обстоятельств через категорию субъективной честности (*integrity*) подвергаемого проверке лица. Для её оценки рекомендовалось учитывать содержание и контекст совершенных

сотрудником при прежнем режиме злоупотреблений, являлись ли они обычной практикой в организации, где он служил, завершились ли злоупотребления или продолжаются до сих пор. Если они завершились, то были ли признаны именно злоупотреблениями и сказались ли на общественном доверии, а если да, то можно ли его восстановить и на каких условиях⁴.

Безусловно, непростительными признаются лишь грубые нарушения прав человека либо тяжкие преступления международного правового характера. Налагаемые ограничения и запреты, как правило, обусловлены не самим фактом вовлеченности лица в связи с репрессивным режимом, а оценкой влияния его прежнего предосудительного поведения на его человеческие качества, на его моральный облик в глазах общества. Причем моральные деформации личности могут быть как обретенными в ходе работы на должности, так и «запрограммированными» в ней ещё раньше.

Таким образом, люстрация в названных документах признается (с некоторыми оговорками) в целом допустимым способом защиты прав человека. Она принимается правосудием переходного периода как устраняющая «лакуну безнаказанности» по отношению к прошлому служению злу, действие допустимое и не противоречащее принципу господства права для посттоталитарных и поставторитарных обществ и даже более того — одним из способов защиты и поощрения прав человека и восстановления господства права в поставторитарных обществах.

Разумеется, по отношению к частному сектору люстрация неприменима, поскольку она противоречит закреплённому в Декларации прав человека его праву на свободный выбор работы и нарушает запрет на дискриминацию на основании политических взглядов соискателя работы на рынке труда. А все вышесказанное относится лишь к должностям государственной службы (к слову, трудно применить стандартный в демократических режимах термин «публичная служба» к сотрудникам полиции и других органов правоохранительной сферы, которые юридически оформляли, тем самым легитимируя, репрессивные действия «силовиков»).

Иной, противоположной точки зрения придерживается Международная организация труда (МОТ). Она в принципе отвергает правомерность люстрации как таковой. Ее позиция состоит в том, что прежнее поведение должностного лица не имеет особого значения, и следует давать бывшим функционерам репрессивных режимов шанс делом доказать перемену своих убеждений и приверженность конституционному демократическому строю. А ограничивать им допуск к публичной службе можно лишь в случаях, когда их сотрудничество, например, с органами госбезопасности, носило серьёзный характер⁵.

Наиболее сбалансированной позиции в этих вопросах придерживается Европейский суд.

Люстрация в «горячие» годы

По мере удаления от первых переломных лет конца 1980-х — начала 1990-х гг. возросшую важность приобрел вопрос о соотношении так называемых ранней и поздней люстраций (см. [Бобринский, 2015. С. 28–30]; о ее политических аспектах см., например, [Нисневич, Рожич, 2014; Нисневич, 2018]). Вообще в некоторых странах процесс люстрации начался раньше принятия специальных законов на этот счёт. Так, в Чехословакии министр юстиции уже в 1990 г. получил право и начал снимать с должности судей, которые во время коммунистической диктатуры «нарушили принцип непредвзятости и беспристрастности»

⁴ См.: UN Doc. HR/PUB/06/5. (подробнее см.: [Бобринский, 2015]).

⁵ Observation (CEACR) — adopted 1999, published 88th ILC session (2000), Discrimination Employment and Occupation Convention.

или «принимали противоречащие закону решения во время своей судебной практики». Кроме того, судьи могли быть освобождены от службы при «недостатке необходимых компетенций». Похожие положения коснулись и прокуроров. Между 1990 г. и 1992 г. примерно треть судей страны (484 человека из 1460) оставили службу; в прокуратуре было уволено более 63% прокуроров.

Специальный интерес представляет немецкий опыт. В ГДР, как известно, существовала наиболее масштабная система политического сыска, в которую, помимо штатных сотрудников, было вовлечено огромное число внештатных осведомителей. «Так, в октябре 1989 г. в штате МГБ числилось 91 015 человек, а общее количество официальных сотрудников за период с 1950 по 1989 годы достигало 274 000. Но при этом в тот же период в ведомстве было зарегистрировано около 624 000 осведомителей, а в последний год существования ГДР на госбезопасность продолжали тайно и неофициально работать 189 000 человек (что составляло около 2,5% населения Восточной Германии в возрасте от 18 до 60 лет, 10 000 осведомителей были моложе 18 лет). С их помощью органами госбезопасности заведено досье на более 6 миллионов граждан. Это означало, что более трети (37,5%) населения ГДР, в которой на момент объединения проживало 16,4 миллионов, находилось под наблюдением секретных служб»⁶. В годы краха режима ШТАЗИ пыталось уничтожить архивы с их именами (как говорят, при помощи советских «друзей»). Но последнее — по сути ликвидационное — правительство ГДР плюс спонтанно возникшие гражданские комитеты (Bürgerkommitteen) не допустили этого. Они захватили несколько зданий окружных и районных органов МГБ и помешали вывозу оттуда сотен уже загруженных грузовиков с предназначенными к сожжению бумагами. А в январе 1990 г. толпы берлинцев заняли и главное здание МГБ, где обнаружили следы спешной работы по уничтожению архивов и сумели, по оценкам, спасти 95% документов. Вообще одним из ключевых вопросов, находившихся в центре внимания активистов, был тогда роспуск старых структур и установление гражданского контроля над органами госбезопасности. В результате были созданы условия для тотального очищения системы от наиболее зловещей её части.

Но при этом чиновников других ведомств, не обладавших столь зловещей репутацией, люстрация коснулась гораздо меньше. «В Договор об объединении были, в частности, включены специальные условия, касавшиеся государственных служащих. Поскольку госслужащие ГДР являлись частью системы, не соответствовавшей требованиям правового государства, руководствующегося принципом верховенства права, была создана возможность не допускать к приему на государственную службу или увольнять с нее тех, кто злоупотреблял своими полномочиями в рамках восточногерманского режима и кто не мог способствовать укреплению демократической конституционной системы. Согласно Основному закону ФРГ, лояльность конституции является одним из ключевых требований к госслужащим, а их обязанность по укреплению свободной демократической системы в духе конституции рассматривается как важнейший приоритет... В Договоре специально оговаривалось, что после объединения Германии все государственные служащие должны повторно обращаться с заявлениями о приеме на работу»⁷. Но по прошествии нескольких лет была принята новая концепция, нацеленная на их «интегрирование» в систему демократического правового государства. Что, впрочем, не спасло от возникновения уже в 2000-е гг. ностальгического феномена «остальгии». Но это — отдельный вопрос, выходящий за пределы темы статьи. А негативные последствия ограничения люстрации её третьим типом, согласно классификации Бобринского, можно наблюдать на примере современной Венгрии.

⁶ <http://argumentua.com/stati/smert-shpionam-po-nemetski-lyustratsiya-v-germanii-kak-eto-bylo>.

⁷ Там же.

Таким образом, проблема достаточно сложна, многомерна, дискуссионна и воспринимается неоднозначно. Поэтому хотелось бы в данном случае взглянуть на этический аспект люстрации, на связанные с ней моральные дилеммы и издержки, причём глазами не идейных консерваторов и не тех, кто противился ей из личных своекорыстных соображений, желая избежать ответственности за свои прошлые поступки, а глазами нравственных флагманов борьбы с коммунистическим наследием.

О моральных издержках люстрации

Вообще вся люстрационная проблематика в высшей степени сенситивна в моральном и психологическом отношениях. Неслучайно она была и остается предметом не только не затухавших, а даже обострявшихся со временем дискуссий в восточноевропейских странах. Причем на моральную и правовую небезупречность люстрации обращают внимание не только идеологические реставраторы и наследники казарменного социализма, но и такие выдающиеся борцы с авторитарными государствами советского образца, как Вацлав Гавел и Адам Михник. Так, Гавел, будучи уже Президентом страны, испытывал большие сомнения при подписании принятого парламентом Чехословакии Закона о люстрации от 4 октября 1991г., предпочитая, как минимум, хотя бы отложить вступление его в силу на несколько лет. Закон лишал функционеров компартии, агентов тайной полиции и членов народной милиции права занимать высокие политические и экономические посты в течение пяти лет (впоследствии срок продлили до десяти лет), поскольку те при прежнем режиме нарушали права человека. Гавел аргументировал свою позицию следующим образом: «Этот закон основан на принципе коллективной ответственности и запрещает исполнение определенных функций только по причине принадлежности отдельных лиц к некоторым организациям и институтам, не позволяя подходить индивидуально к каждому конкретному случаю, что является очевидным нарушением принципов демократического правового государства. Вдобавок внутренние документы ликвидированной коммунистической тайной полиции становятся в этом случае единственным, высшим и последним «свидетельством моральности»» [Михник, 2013. С. 38]. Перед ним стоял мучительный выбор между этикой убеждений и этикой ответственности. И все же, подписав в итоге Закон, он тем не менее расценивал его как акт, хотя и нужный в исключительных обстоятельствах того времени, но весьма проблематичный с точки зрения прав человека. Помимо политических обстоятельств времени, когда ветирование Закона было бы вызовом и Парламенту страны, и господствовавшему в обществе настроению, он впоследствии объяснял ситуацию охватившей тогда людей волной идеализма и надежд: «В атмосфере всеобщего братания и энтузиазма, типичной для времен ноябрьской революции, многие из нас питали надежду..., что наступит какое-то значимое изменение в самом способе нашего человеческого сосуществования, что люди скоро выползут из эгоистических скорлуп, в которые их вогнал коммунистический режим, и что вся общественная жизнь вдруг обретет значительно более человеческие черты. Представлялось, что люди перестанут быть плохими, злыми по отношению к окружающим и что в них навсегда останется хоть немного от того чувства братства, которое революция извлекла из их душ. Представлялось, что такие ценности, как солидарность, духовные измерения жизни, любовь к ближнему, терпимость, воля к взаимному согласию или обыкновенная тактичность, внезапно переживут какой-то ренессанс» (цит. по [Смоляр, 2012. С. 189]). Иными словами, для него главным оставался вопрос — удастся ли поставить нравственность над политикой, а моральный императив и сопутствующие ему самоограничения — над сиюминутной целесообразностью.

В последующие годы, когда к люстрации примешались мотивы своекорыстного характера — желания сделать карьеру «на костях» предшественников, сведения личных

счетов да и просто психологии ненависти, к сожалению, характерной для периодов транзита с присущим им распадом прежних ценностей, ценностной аномии и даже вакууму и фрустрацией, — Гавел с горечью признавал свои тогдашние ощущения и надежды чрезмерно оптимистичными. Он неоднократно подчёркивал длительность и многомерность процесса формирования подлинно гражданского общества, преодоления морального бремени и деформаций, порожденных временами коммунистического режима. А речь Гавела в суде, где ему через много лет пришлось выступать в качестве ответчика в связи с газетной публикацией списка предполагаемых сотрудников госбезопасности, сделанной без его ведома, считается классическим образцом антилюстрационной публицистики.

В частности, он цитировал многие письма людей, несправедливо пострадавших в результате публикации списка предполагаемых агентов госбезопасности. «Многие люди, — говорил он, — оказались в списке случайно, многие — потому, что были приглашены тайной полицией в ресторан, другие... физически и психологически измученные и шантажируемые различными способами, чаще всего угрозами в адрес своих детей или родственников, ломались и что-то подписывали. Часто на этой подписи всё и кончалось... Наше общество целыми десятилетиями было бесправным перед властью... Заложниками, как правило, были дети, будущее которых зависло от покорности их родителей. Наш народ, как и другие народы, состоит не из одних героев, и потому многие люди пытались так или иначе обмануть власть; не продавая ей душу, удовлетворить её мелкими уступками, например, мало что значившими беседами со следователями. Но и такие разговоры могли быть причиной попадания десятков людей в полицейские реестры... Многие списки мнимых сотрудников госбезопасности имеют тёмное происхождение и многое указывает на то, что они сформированы хитрыми дезинформаторами из числа сотрудников той же госбезопасности...». «А самозванные судьи, которые сидят здесь на скамье обвинителей, — заключил свою речь Гавел, — являются лишь продолжателями коммунистической идеологии ненависти, мести и тоталитарного нарушения закона» [Михник, 2913. С. 39–40].

Адам Михник, бывший горячим сторонником первого этапа люстрации в Польше, впоследствии выступил против так называемой поздней люстрации, её второй волны и связанных с ней политиканских спекуляций. Он подчёркивал, что главную ответственность должны нести люди, принадлежавшие к верхним слоям системы, т.е. те, кто десятилетиями уничтожал правовое государство и правовую культуру, а не «мелкие сошки»: «Разве не является морально нечистоплотным и развращающим наказание исполнителей, мелких доносчиков и стукачей, если одновременно безнаказанными остаются люди, которые руководили государством, всей системой насилия?.. Проблема отнюдь не пустяковая, если учесть, что в странах Восточной Европы в 80-х годах к компартиям принадлежало 10–20% взрослого населения» [Смоляр, 2012. С. 157–158]. И в целом, пожалуй, наиболее острые дебаты по этому вопросу произошли в первом десятилетии XXI в. как раз в Польше. Сбалансированный анализ проблемы в её эволюции произвел, на мой взгляд, Александр Смоляр, подробно проанализировавший польский опыт люстрации на её разных стадиях и подчеркнувший, в частности, опасность превращения её из формы расчёта с прошлым в форму примирения с ним и забвения былых мерзостей, не говоря уж о своекорыстных политиканских и карьерных спекуляциях на проблеме.

Подводя итоги этой части нашего восточноевропейского обзора, приведу ещё одно, но отчасти противоположное вышеприведённым, лапидарное высказывание Михника: «бархатная революция породила бархатную реставрацию» [Смоляр, 2012. С. 148–167]. Пожалуй, убрав слово бархат, его можно было бы применить и к нам, если, как некоторые считают, произошедшее у нас в те годы можно назвать полноценной революцией, хотя бы незавершённой. Не входя в данном случае в дискуссию по рассматриваемому вопросу, всё же хотел бы выразить сомнения относительно универсальности чешского и польского гуманистического подхода, предполагающего избыточную, на мой взгляд, заботу о так

называемых мелких исполнителях преступных приказов в области репрессий. По крайней мере, применительно к нам подобная позиция представляется морально не безупречной. Ведь мерзости, творившиеся этими «маленькими людьми», хоть и делались от имени государства и тем самым как бы под его щитом и по приказу, тем не менее совершались отнюдь не по принуждению и к тому же подкреплялись немалыми материальными и карьерными поощрениями.

Поэтому применение по отношению к ним презумпции ненаказуемости, во-первых, легитимирует довольно распространенное в этой среде чувство безнаказанности со всеми вытекающими последствиями и, во-вторых, предполагает отрицание у человека возможности хотя бы ограниченного права выбора поведения, и превращая этих людей из субъектов, обладающих свободой воли, в бездумных и безответственных объектов, тем самым опуская их до уровня даже не вполне людей, а подчиняющихся командам роботов. Чтобы долго не ходить за примерами, взглянем на действия так называемых силовиков в соседней с нами стране. И зададим себе вопрос: можно ли признать их лишь механическими исполнителями чужих преступных приказов, не несущими за свои действия личной ответственности? Не содержит ли такая позиция серьезных угроз в плане прецедентов и аналогий, не говоря уж о ее моральной ущербности?

И, завершая наш восточноевропейский экскурс, вспомним ответ того же Адама Михника Президенту Польши Александру Квасьневскому. Тот, произнеся, впрочем, некие извинения за свое номенклатурное прошлое в коммунистической системе, сказал, что мы все были частью этой системы. На что Михник резонно ответил: «Конечно. Но одни были в ней заключёнными, а другие — охранниками».

Возвращаясь в Россию

Итак, исходя из истории транзита постсоциалистических стран и понимая возможные издержки и даже злоупотребления процессами персональных изменений политико-управленческих кадров, я, тем не менее, полагаю, что и нам следовало бы провести в те годы определенную *люстрацию* персонала государственных органов. Серьезные кадровые изменения, будучи проведенными в должное время и должным образом, могли бы существенно улучшить многое. Не сделав их, мы в результате, повторяю, получили явно *избыточную персональную преемственность* в аппарате управления, что, по моему мнению, стало одним из критических препятствий для успешного прохождения периода транзита. Однако тогдашнее политическое руководство России фактически проигнорировало сложившуюся абсурдную ситуацию. Принципиальное отличие России в этом вопросе от опыта посткоммунистических трансформаций в странах Восточной Европы отчасти объясняет как особый драматизм наших 1990-х, так и последующее развитие событий, а также ситуацию и атмосферу «полуреставрации» советского режима, воцарившуюся ныне в стране.

К тому же российскую кадровую ситуацию тех лет, и без того весьма неблагоприятную, усугубил ещё и психологический момент. Социально-психологическая беда нашего чиновничества тех времен — статусная утрата. Государственные служащие утратили привычное сознание своего общественного статуса как важного звена системы. Их роль в новой системе социальных отношений в значительной мере снизилась. Полномочия изменились и сократились, а предыдущие служебные навыки и компетенция оказались не востребуемыми. От них объективно стал требоваться совсем иной характер работы и деловых качеств, к чему большинство из них были ни профессионально, ни морально не готовы. Унаследованные постсоветской Россией чиновники, за небольшим исключением, просто не обладали профессиональной компетенцией для того, чтобы обеспечить

объективно необходимое качество административных управленческих действий. Отсюда, помимо прочего, у них неизбежно понизилось связанное с этим самоуважение. И, конечно, официальная зарплата чиновников в тот период была унижительно низкой, явно не соответствующей уровню предполагаемой должностной ответственности. Зато в тогдашней ситуации «мутной воды» с ее правовой размытостью и практической безнаказанностью для многих возникли возможности и соблазн моментального, сказочного по масштабам обогащения. Господствовавшая «ситуация Клондайка», т.е. мгновенного по историческим да и любым рациональным меркам перераспределения гигантских объемов собственности, к этому почти приглашала.

Возник психологический эффект ресентимента, или, следуя терминологии Эмиля Дюркгейма, моральной аномии. Формы адаптации к нему варьировались в амплитуде от отчуждения и эскапизма и, как вариант, открытого или чаще скрытого сопротивления переменам до циничной установки на личное обогащение любыми доступными средствами. На этой основе расцвели коррупционная психология и соответствующий ей тип поведения, добавившие в общую ситуацию транзита немало дополнительных серьезных проблем, сложностей и несправедливости.

К тому же, помимо возрастных изменений, произошли и качественные перемены. Честных педантов, обладавших хотя и устаревшими трудовыми навыками, но всё же сохранивших достаточно высокий уровень профессионального самосознания и морали, вытесняли всепогодные ловкие приспособленцы, не отягощённые принципами служебной этики да и вообще какими-либо моральными ограничителями. А с конца 1990-х гг. началось заполнение должностей гражданской службы «силовиками» и пришельцами из органов безопасности. Возможно, этому поспособствовало и брезгливо пренебрежительное, порой даже высокомерное отношение значительной части либеральной интеллигенции к «черновой» аппаратной работе, сулившей неизмеримо больше хлопот и обещавшей гораздо меньше дивидендов по сравнению с гордой элитарной позицией свободного аналитика, стоящего «над схваткой».

Словом, в силу совокупности причин качество нашей бюрократической машины стало хуже, чем в любые предшествующие времена (по крайней мере, за последние пару веков). Это сознают и вменяемые политики в руководстве страны, и серьезные эксперты. А рядовые граждане на всех уровнях сложившуюся ситуацию просто физически ощущают в повседневной жизни. В сознании же самих бюрократов также произошли радикальные перемены: из состояния растерянных временщиков и «потерявшихся людей» конца 1980-х и ранних 1990-х гг. они постепенно стали превращаться едва ли не в «хозяев государства». Не случайно многие говорят, что *произошел захват государства бюрократией* или, как неоднократно в разных текстах отмечал Е.Т. Гайдар, — его «выкуп» номенклатурной корпорацией, его номенклатурная приватизация [Гайдар, 2009. С. 259]. В целом соглашаясь с этой оценкой, я, глядя на реалии сегодняшнего дня, ещё бы уточнил, что главным выгодоприобретателем стала силовая и даже спецслужбистская часть бюрократии. Впрочем, тут дело не столько в персональной, сколько в ментальной — моральной и психологической — преемственности режимов.

Есть и не вполне однозначные психологические нюансы. С одной стороны, если человек воспринимает связанную с люстрацией дискриминацию как меру по отношению к нему несправедливую, оправдывая себя тем, что он, мол, всего лишь «действовал, как все», по законам и стандартам поведения того времени, это порождает у него фрустрацию со всеми её негативными последствиями. С другой стороны, отсутствие какой-либо ответственности за совершенные в прошлом плохие дела порождает чувство безнаказанности, которое к тому же передается «по эстафете» и следующим поколениям. Так, отсутствие какой-либо ответственности (не говоря уж о возмездии) по отношению к сталинским палачам и их, увы, довольно многочисленным разного рода приспешникам, полагаю, стиму-

лировало конформистский цинизм уже у следующего поколения и сотрудников аппарата КГБ, и судей. Воспоминания о судьях, выносивших этически безнравственные и антиправовые, неправосудные юридически приговоры диссидентам в брежневские и иные советские времена, «вдохновляют» уже немало новых кадров «правоохранителей» современной России, причём уже не только по политическим, но и чисто коммерческим делам. Список, к сожалению, достаточно велик и растёт. А такая атмосфера нередко засасывает и многих других людей, вроде бы и не замешанных в разных мерзостях режимов, но прямо или косвенно на них работавших. Разумеется, применительно к ним речь может идти отнюдь не о люстрации, а «всего лишь» об их личностной моральной деформации, от которой, боюсь, был не вполне свободен и я сам.

И правильно ли будет в, надеюсь, не слишком отдалённом будущем всепрощающе закрыть глаза, например, на бесчинства и зверства белорусских так называемых «силови-ков»⁸ по отношению к мирным демонстрантам, а также лиц, отдававших им преступные приказы? А как быть с нашими «королевскими гвардейцами» с дубинками вместо шпак и их всем памятные действия на московских улицах летом 2019 г.? Впрочем в отдельных, наиболее вопиющих, случаях речь, видимо, пойдет уже не о люстрации, а о полноценном уголовном преследовании. А в качестве общей превентивной меры нашему обществу, думается, для своего оздоровления насущно необходимо блокировать на государственном законодательном уровне шаги по «ползучей ресталинизации», которые мы, увы, последние годы наблюдаем. Одной из эффективных мер было бы официальное признание преступными действия органов НКВД-КГБ (не отдельных лиц, а именно органов) по отношению к невиновным гражданам. В качестве аналогии, полагаю, заслуживает самого серьезного внимания опыт Испании по «дефранкизации», включая Закон о демократической памяти, принятый в 2007 г.

И поскольку мы с неизбежностью приближаемся к новому переходному периоду, то проблематика люстрации и осмысление связанных с ней вопросов приобретают не только теоретическое, но и практическое значение как в институциональном отношении, так и в личностном, человеческом плане. В отличие от восточноевропейских стран, для нас всё большую актуальность приобретает не дилемма «позднего» люстрирования функционеров советского режима, а необходимость проведения люстрации «свежей», которая позволит очистить кадры государственных служащих от преступников, проникших в структуры власти уже в новые, постсоветские времена. Фактическое же табуирование серьезного обсуждения связанных с люстрацией вопросов (во всяком случае, на академическом уровне) — ситуация, мягко говоря, странная и отнюдь не способствующая пониманию динамики общественных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский Н. А. (2015). Международные стандарты в области люстрации. Реальность или благопожелание? // Конституционное обозрение. 2015. № 6. С. 13–29.
- Гайдар Е.Т. (2009). Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция — СПб.: «Норма».
- Крыштановская О. (1995). Трансформация старой номенклатуры в новую советскую элиту // Общественные науки и современность. № 1. С. 51–65.
- Михник А. (2013). Большая история Вацлава Гавела // Государство. Общество. Управление. М.: Альпина паблишер. С. 15–48.
- Нисневич Ю.А. (2018). Регенерация номенклатуры как правящего социального слоя в постсоветской России // Социологические исследования. № 8. С. 143–152.

⁸ Кстати, и само понятие «силовики» представляется не очень удачным и даже провоцирующим не особо оглядываться на закон. Английское «*law enforcement*» гораздо более адекватно отражает назначение этих служб. Правда, в другой политической реальности.

- Нисневич Ю.А., Рожич П. (2014). Люстрация как инструмент противодействия коррупции // Полис (политические исследования). № 1. С. 109–130.
- Смоляр А. (2013). Табу и невинность. М.: Мысль.
- Home C.M.(2009). «Assessing the Impact of Lustration on Trust in Public Institutions and National Government in Central and Eastern Europe» // Comparative Political Studies. 2009. No. 45 (4). Pp. 412–446.
- Stan L. (2009). Transitional justice in Eastern Europe and the former Soviet Union: Reckoning with the communist past. New York: Routledge.

Оболонский Александр Валентинович

aobolonsky@hse.ru

Aleksandr Obolonsky

doctor of sciences (law), professor at the National Research University “Higher School of Economics”.

aobolonsky@hse.ru

LUSTRATION AS AN INSTITUTE OF THE TRANSIT PERIOD: PROS AND CONS

Abstract. The article is devoted to the problem of public servants' lustration what is extremely important but practically does not discussing in Russia in scientific analytical aspect. Author considers it mainly in terms of human factor and integrating philosophical, political, legal and ethical aspects. The special section is devoted to correlation between institutional and moral problems of lustration. The judgement of lustration as appropriate, in general, institutions of transitional period prevailing in Europe for post-socialist societies as a method of soft cleansing them from the burden of past, and different appraisals of corresponding East European laws and practice by international democratic legal institutions are described in details. Special attention given to the Russian situation. Author asserts that radical difference of Russian experience in this respect from neighboring countries caused serious negative consequences up to partial restoration of soviet system. He concludes that now special importance must be given not to problem of so-called «late» lustration, like in the East European countries, but to the “fresh” lustration what gives an opportunity to cleanse personnel of state servants in authority circles from criminals of new, post-soviet times. It seems important both in institutional and personal aspects.

Keywords: *lustration, political regime, decommunization, functionaries, public servants, Eastern Europe, Czechoslovakia, DDR, Poland, Russia, law, laws on lustration, morality.*

JEL: A13, H11, K40, M14

REFERENCES

- Bobrinskiy N. A. (2015). Mezhdunarodnyye standarty v oblasti lyustratsii. Real'nost' ili blagopozhelaniye? [International standards in the field of lustration. Reality or wellbeing?] // Konstitutsionnoye obozreniye. 2015. No. 6. Pp. 13–29.
- Gaydar E.T. (2009). Vlast' i sobstvennost': Smuty i instituty. Gosudarstvo i evolyutsiya [Power and Property: Troubles and Institutions. State and Evolution]. SPb.: Norma.
- Home C.M.(2009). «Assessing the Impact of Lustration on Trust in Public Institutions and National Government in Central and Eastern Europe» // Comparative Political Studies. 2009. No. 45 (4). Pp. 412–446.
- Kryshchanovskaya O. (1995). Transformatsiya staroy nomenklatury v novuyu sovetskuyu elitu [Transformation of the old nomenclature into the new Soviet elite] // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. No. 1. Pp. 51–65.
- Mikhnik A. (2013). Bol'shaya istoriya Vatslava Gavela. [The great story of Vaclav Havel] // Gosudarstvo. Obshchestvo. Upravleniye [State. Society. Control]. M.: Al'pina publisher. Pp. 15–48.
- Nisnevich YU.A.(2018). Regeneratsiya nomenklatury kak pravyyashchego sotsial'nogo sloya v postsovetskoy Rossii [Regeneration of the nomenclature as the ruling social stratum in post-Soviet Russia] // Sotsiologicheskiye issledovaniya. No. 8. Pp. 143–152.
- Nisnevich YU.A., Rozhich P. (2014) Lyustratsiya kak instrument protivodeystviya korruptsii [Lustration as a tool for combating corruption] // Polis (politicheskiye issledovaniya). No. 1. Pp. 109–130.
- Smolyar A. (2013). Tabu i nevinnost' [Taboo and innocence]. M.: Mysl'.
- Stan L. (2009). Transitional justice in Eastern Europe and the former Soviet Union: Reckoning with the communist past. New York: Routledge.